

народов земли. А этот путь есть вера в Бога, сыновняя покорность Церкви, беспредельная преданность царю православному, самодержавному и беззаветная любовь к родине святой.

Эти заветы потщимся перенести в новое столетие, чтобы передать их нашим потомкам.

Новое время исчисление лет для христианских народов началось евангельским призывом к покаянию — начнем покаянием и мы, стоящие в преддверии нового столетия.

ПОЖЕЛАНИЯ ГРЯДУЩЕМУ СТОЛЕТИЮ

Беседа на Новый 1901 год

*Благослови, душе моя, Господа...
исполняющего во благих желание
твое.*

Пс. 102: 1, 5

Много желаний высказывается и еще, вероятно, будет высказано таковых среди христианских народов по поводу наступающего нового года, которым начинается XX столетие христианского летоисчисления.

Во всех этих человеческих желаниях и приветствиях нетрудно найти один общий смысл: все и каждый из приветствующих желают другим на новое столетие добра и счастья. Различие только в том, что каждый понимает добро и счастье по-своему и каждый желает другому того, что он считает добром и счастьем. Не будет, вероятно, недостатка в таких пожеланиях, которые относятся не к отдельным личностям, а к целым группам людей, к обществам и даже ко всему человечеству наступающего XX века. Из самых последних желаний этого рода наиболее выдающимися можно назвать два желания: одно — чтобы настал на земле между всеми народами мир, ничем не нарушимый, а другое, замечательное по своей новости и несбыточности исполнения, — желание войти в сношение с предполагаемыми обитателями одной из соседних с Землей планет. Нельзя умолчать еще и об одном ужасном

зложелании для будущего человечества, высказанном некоторыми мнимыми представителями мнимой науки, именно — чтобы всё человечество в один день совершило над собой самоубийство, так чтобы изгладилась на земле и память о людях.

У большинства же людей, составляющих как бы цвет образованных обществ, пожелания XX века сводятся к тому, чтобы люди этого века продолжали двигаться вперед по пути научных исследований такими же исполинскими шагами, какими отличался конец XIX века.

Что пожелаем наступающему веку мы, служители Того, Кто в Своей власти положил времена и лета (Деян. 1, 7)?

Желая быть верными нашему призванию, как преемники тех, которых Господь наименовал светом и солью мира (Мф. 5, 13–14), мы желаем и всему христианству, и богохранимому нашему граду следующих благ.

Во-первых, желаем, чтобы христианство XX века озаботилось сохранить тот союз с небожителями, которым соединил его Господь Ангелов, приходивший на землю и восшедший на небеса, чтобы под Своим главенством соединить всё, что на небе и на земле, чтобы устроить для людей жительство на небесах, в обителях Отца Небесного.

Второе наше благожелание — чтобы христианские народы, с одной стороны, двигались вперед по пути добра, истины и правды и достигли того совершенства, к какому они предназначены: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). А с другой стороны — чтобы они усиленно старались возвратиться к весне христианства — к временам первых веков его, к той примерной святой жизни, какой отличались первые христиане, когда они действительно были светочем для языческого мира, когда язычество, ожесточенно преследовавшее христиан, увидело чистоту их нравов, недостижимую для него, само устремилось к свету Христову и принесло свои книги и чернокнижие к ногам проповедников Христовых, чтобы заменить эти книги Евангелием.

Если бы для XX века оказалось непосильным возвратиться к первым временам христианства, то пожелаем русскому обществу этого наступившего века возвращения к первым временам благочестия русского народа, когда не знали другого просвещения, кроме христианского, когда в основе народной жизни для всех сословий лежали три святыни: вера, царь и отечество, когда все ежедневно приходили в церковь — мужчины, женщины и малые дети, когда любовь их к молитве, церковной и домашней, часто с земными поклонами, по отзыву одного

иноземца¹⁸², была выше всякого описания, — и так жили не только простолюдины — мужчины, женщины, девицы и малые дети, но и государственные сановники и их жены.

Истекший XIX век был временем отпадения христианских народов от Христа и от Церкви. Двадцатый век пусть исправит ошибку XIX века. Христианские народы XX века пусть возвратятся к Богу — Создателю и Искупителю своему и, разделенные многоразличными заблуждениями, религиозными и научными, да соединятся в недрах Святой Соборной и Апостольской Церкви первых веков — той Церкви, которой вверена истина и которой обещано неодоленное пребывание до скончания века под руководством Духа Божия, в ней пребывающего и обучающего ее на всякую истину. Это третье наше пожелание.

Век девятнадцатый был веком войн, возмущений, союзов безначалия, безверия и насилия; то было время жизни по вещественным началам мира, с отрицанием духа и подавлением духовно-нравственных стремлений. Двадцатый век да будет временем всеобщего мира, взаимного уважения, бескорыстия, уважения к богоучрежденной власти, временем восстановления религиозного единения, уважения к личному труду, без поглощения его союзами праздности, лени и насилия. Это четвертое благожелание.

Сыны XIX века, уклонившись с прямого пути, ведущего к истинному счастью, для которого они предназначены были как христиане со вступлением в Церковь Христову, повели путем заблуждения и порока и молодое поколение, воспитывая его в удалении от Христа, в отчуждении от Церкви, с детства изглаждая в нем следы христианского помазания и давая ему воспитание более языческое, чем христианское.

Поэтому мы желали бы, чтобы XX век исправил и эту ошибку своего предшественника: чтобы воспитывающееся молодое поколение изучало не букву, только закона Христова, а усвояло дух его, чтобы оно более и более проникалось этим духом и руководилось им во всей жизни своей; чтобы оно не только принадлежало Церкви, но и жило бы в ней; чтобы скорее прекратилась эта порча молодого поколения, приучаемого с детского возраста к удовольствиям греховным, воспитываемого в пренебрежении к уставам Церкви и ко всему тому, что издревле чтилось добрым русским народом, но что ныне нередко пренебрегается и осмеивается, начиная с постов и доходя до праздников, с устройением накануне их игр и увеселений и отсутствием молодых людей в эти дни в церкви.

Наконец и еще одно желание наше в отношении к христианам — обитателям этого города.

Желательно, чтобы дети, остающиеся вне всякого воспитания, скитающиеся по улицам, стоящие на папертях церковных, у магазинов и лавок с протянутыми для милостыни руками и оскорбляющими иногда слух прохожих срамными речами, чтобы эти дети были собраны, пристроены и получили бы доброе христианское воспитание. Чем скорее это будет сделано, тем лучше. О, если бы осуществление этого желания началось в нашем городе в первые же годы наступающего столетия, даже прежде удовлетворения других городских нужд. Но если бы такое желание наше показалось для исполнения тягостным, для слуха неприятным и для сердца неудобоприемлемым, то да останется оно одним желанием, как доброжелание наше на Новый год. А исполнение его предадим в волю Божию.

Итак, приди, Новый год, с новым счастьем. Принеси на землю мир, правду и истину, отпавшее возврати, разделенное соедини.

О, Господи! Благослови венец лета Твоея благодати и исполни во благих желаниях всех нас, славы ради имени Твоего!¹⁸³

КАК СЛЕДУЕТ НАЧИНАТЬ НОВЫЙ ГОД

Поучение на Новый 1902 год

Мы, христиане, научены начинать свой день молитвой — ею же мы оканчиваем свой дневной труд. Кто не молился утром, тот едва ли исполнит этот долг вечером, а тем более днем. Значит, он живет без молитвы, — а жить без молитвы не значит ли жить без Бога? Жизнь без Бога есть жизнь без источника жизни. А такая жизнь не есть жизнь, а смерть.

Если христианин, не начинающий и не оканчивающий день молитвой, близок к состоянию жизни без Бога, то что сказать о том, кто стал бы начинать день своей жизни дикой пляской или так называемым благородным танцем и вином? Благочестивое чувство не назовет ли это нечестием, а здравомыслие не скажет ли о пляшущем в первый утренний час, что он потерял рассудок?